

Итак: Юрий Авдеев, Елена Байбакова, Галина Барина, Геннадий Бодров, Борис Бондаренко, Станислав Борисенко, Виктор Викторов, Игорь Виравов, Татьяна Вишневская, Василий Воробьев, Татьяна Воробьева, Елена Выборнова, Георгий Гонголевич, Зоя Гончарова, Евгений Гребнев, Николай Гребнев, Владимир Детков, Григорий Дреев, Алла Ермолина, Михаил Еськов, Николай Ефимович, Александр Ештокин, Анна Журавлева, Игорь Забелин, Иван Зиборов, Павел Зуев, Михаил Изотов, Сергей Изотов, Борис Киряев, Владимир Князев, Лев Конорев, Валентина Коркина, Наталья Кузьменко, Игорь Лободин, Сергей Малютин, Александр Мартынков, Сергей Меркулов, Ирина Мохова, Евгений Носов, Владислав Павленко, Борис Паничев, Алексей Панов, Фёдор Панов, Юрий Першин, Валерий Пищулин, Егор Полянский, Николай Придворов, Александр Прозоров, Светлана Рудакова, Николай Савченко, Нелли Сафонова, Владимир Тарасов, Лариса Трубникова, Владимир Хрусталева, Юрий Чемонин, Роман Шахов, Алексей Шитиков, Александр Шамаков...

Решением бюро обкома меня назначили на самую ответственную должность – главным редактором. Просьбу мою: «На-

правьте сперва замом», не только не учли – даже слушать не стали. Вот и попал я первокурсником-новобранцем в «молодогвардейскую школу», где руководителем в ту пору был ответственный секретарь Владимир Детков – душа коллектива. Он сам жил долгое время в ожидании того же назначения, и вся редакция знала и не сомневалась в справедливости такого решения. Но обком думал иначе, а с ним спорить было бесполезно. И если бы не удивительное умение Деткова уступать не отступая, воспринимать все, что есть и происходит вокруг, с редкостным оптимизмом, я бы не только не прошел науку ладить в творческом кругу, но бесславно и вскорости завершил бы свою карьеру. Не видать бы в дальнейшем ни романтической, увлекательной жизни собственного корреспондента программы «Время» и радио «Маяк», ни издательства «Славянка», где была и есть возможность реализовать свои долги перед обществом и Отечеством, ни гордости моей – нынешнего Дома литератора, а с ним и Лицея для юных поэтов, прозаиков и публицистов... Не дожил бы, разумеется, и до признания профессионалов, собратьев по перу, моих современников.

«Детковщина» проявлялась во всем: от летучек до манеры верстки и уважительного отношения к ретушеру Диме уже хотя бы потому, что эту должность в «МГ» в первое время своей творческой карьеры осваивал не кто иной, как Евгений Носов. С «подачи» Владимира Деткова здесь писателей вообще боготворили, а Евгения Ивановича особенно – за прекрасную возможность с ним пообщаться, получить при этом мудрый, будто выверенный загодя совет. Несмотря на то что Носов был частым гостем в редакции, каждый раз это являлось неподдельно желанным событием, и прежде всего в литературном сообществе «Зарницы».

«Молодогвардейцы» признанием отозвались на мою удачную заботу о них, начиная с комфортного жилья и кончая многодневными журналистскими сборами-летучками с окрестных земель славянского Порубежья. Не всё сразу ладилось. Вплоть до угрозы уволиться воспринималось моё жёсткое требование писать материалы в

газету исключительно всем сотрудникам. Исключение же допускалось в отношении лишь бабы Дуси, – редакционного курьера, – она не умела писать(!), т.е. не умела вообще... Те же, кого этот «деспотичный» распорядок принудил к творчеству, надеюсь, счастливы своей блестящей журналистской карьерой. «Дописалась-таки», к примеру, Лариса Трубникова – от корректора до главреда одного из самых авторитетных еженедельников.

Однако тогдашний «рейтинг» сотрудника газеты, даже если он имел кабинет с приёмной, подписывал в печать очередной номер, был честен и справедлив в гонорарной разметке, по-настоящему зависел от того, в ладу ли он с художественным словом. Сама атмосфера в редакции неослабно требовала от каждого исключительного усердия. Однажды показалось, я достиг всего, что мог, но при этом понимал: золотой ключик признания – у нашего именитого друга и учителя.

Повод был основательный: художественный очерк о молодом председателе захолустного колхоза, в наитруднейших условиях настроившем группу товарищей-единомышленников на обновление хуторской жизни, на возрождение затерянной в бездорожье, холмах и оврагах, даже богом забытой земли... (Позже очерк вышел в свет большим «советским» тиражом в одноименном издательстве в Москве).

Однажды после чашки чая набрался я отваги и завел разговор о рукописи и даже передал ее гостю.

– Кто-то уже читал?

– Вы, Евгений Иванович, первый...

– Хм... Готова! В печать?

– Кое-что надо бы подладить... – усомнился я в себе с оглядкой, на всякий случай.

– Значит, не совсем уверен... – Носов положил машинопись на стол. – Видишь ли, какое дело, дружище, если рукопись сыровата, второй раз мне, к примеру, ее читать будет трудно, но ты, полагаю, уже сейчас настроен на «расхвалу» – не иначе! Разве не так? Это публицисту скорось нужна. И у поэтов свои манеры, никакой возраст, особенно молодость, им не помеха. В нашем же «письме» поддержка нужна. Не уверен – так и не спеши! Ко всему вдобавок ты должен вызреть, и до той самой поры, пока не почувствуешь эту зрелость сам!

«Молодогвардейцы» трёх поколений:
Е. Носов, В. Детков и Н. Гребнев